

сюжет пьесы. Могущественный царь Географ и супруга его царица Диана жили в мире и добром согласии. Радость их омрачалась лишь тем, что не было у них «наследных ни дщери, ни сына». И вот наконец царица родила двух сыновей-близнецов. Счастливый царь не знал, как благодарить бога за то, что молитвы его услышаны. Но вдруг в разгар всеобщего ликования появляется мать царя, ненавидевшая свою невестку и хотевшая ее погубить. Она клеветает на Диану, обвиняя ее в измене мужу. Мать заставляет царя поверить в то, что новорожденные не его дети. «Не мни, что те младенцы родные суть чада», — говорит она. Разгневанный царь изгоняет Диану в дальние пустыни.

Значительное место в пьесе отведено описанию злоключений страстующей царицы. Одного младенца у нее похищает львица и воспитывает его в пещере. Однажды корабельники, проплывая мимо и заметив такое зрелище (львицу, играющую с отроком), забирают их на корабль. Затем, попав в страну Географа, они дарят ему юношу и львицу. Царица же, оставшись с одним сыном, находит приют у некоего князя. У пьесы счастливый конец. Справедливость все-таки побеждает. Братья встречаются. Географ узнает в них своих сыновей. В том, что они, «многие бедствия претерпев», остались живы, он видит труд божий и убеждается в невинности царицы. Диану встречают с почестями.

Напомним более подробно те эпизоды, которые, по мнению С. А. Щегловой, проливают свет на время написания драмы. Один из них — это сцена совета Географа с сенаторами по поводу того, брать или нет дань с приезжающих купцов. Сенаторы предлагают царю брать дань, но он возражает: «Что требовать с них дани, якобы мы скудны. Купцов бо есть прибыток несносны и трудны».⁹

Когда же один из сенаторов все-таки настаивает на своем:

«Обычай есть такой по всем государствам
Дань брати с приставших купцов к оным царствам»,¹⁰

царь отвечает ему на это:

«Что слова суетныя ныне простираешь
Как сребролюбого мене называешь»¹¹ —

и, обращаясь к купцам, объявляет им свою милость:

«... власть вам дам в царстве моем торговати
И дань в казну царскую не велью с вас брати».¹²

С. А. Щеглова видит в этом эпизоде прямое указание на петровскую эпоху, так как именно при Петре стали развиваться торговые отношения с заморскими странами.

С этим, конечно, нельзя не согласиться. Можно было бы привести еще один эпизод пьесы, напоминающий нам петровские реформы образования. Но нужно сказать, что идеи Петра о значении образования находили свое отражение во многих повествовательных произведениях и более позднего времени. Такова, например, «Гистория о некоем шляхецком сыне», датируемая Г. Н. Моисеевой 1730-ми годами.¹³ Она начинается рассказом о мудром государе, который построил «здания пречюдная и в них разных наук школы, в которых указал шляхетским, министрским и сенаторским детям быть в науке и по науке занять место». Поэтому эпизоды из пьесы, приведенные

⁹ ГИМ, Собр. Барсова, л. 23 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 25 об.

¹² Там же, л. 26.

¹³ Г. Н. Моисеева. Русские повести первой трети XVIII века. М.—Л., 1965, стр. 132—160.